

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР

АНГЛИЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

СУБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

Издательство АСТ
Москва

Введение

Почему «введение», а не «предисловие»? Потому, что к Англии и ко всему английскому не может быть предисловия. В английское можно только ввести.

Одна пожилая японская дама, проведшая детство в Англии, а потом, уже будучи взрослой, там работавшая, сказала мне: «Англичан понять невозможно. Они — загадка».

Мне очень хотелось ответить ей: «Как и вы, японцы», но я воздержался, опасаясь того, что это может быть воспринято ею как выражение неуважения, а допустить такое с японцем совершенно невозможно. Самурай бы тут же выхватил меч-катану и снёс бы мне голову. К счастью для меня, самураев больше нет. Хотя нет, самурай живёт в душе каждого, абсолютно каждого японца, почему проявление даже малейшего намёка на неуважение к его персоне совершенно невыносимо. Дама эта голову бы мне не снесла, но разговор прекратился бы тут же. Вместо оживлённого лица появилась бы непроницаемая маска отчуждения, вместо взаимного обмена — пустота. И поэтому я сказал:

— Удивительны ваши слова, ведь я всегда говорил, что англичане — европейские японцы.

Она внимательно посмотрела на меня, улыбнулась уголками губ и сказала:

— Да... Почти.

Я до сих пор сожалею о том, что не спросил её, к чему относится это «почти»? К тому, что англичане почти японцы или что они почти европейцы? Теперь, вспоминая тот разговор, думаю, что она имела в виду и то и другое. То, что англичане не японцы, очевидно, а вот то, что они не европейцы, наблюдение тонкое, которое совпадает с мнением если не большинства, то значительного числа жителей Коварного Альбиона.

Спросите англичанина, считает ли он себя европейцем. Только не ждите ответа «да» или «нет». На подобные вопросы, требующие ответа, касающиеся внутреннего мира, самооценки «да» или «нет» исключены, потому что вы, пусть не желая того, вторглись в приватный мир англичанина, а этот мир не касается никого, кроме него самого. Задавать такой вопрос может только человек неотёсанный, лишённый тонкости. Словом, не англичанин.

Кстати, когда я спросил эту японку, правда ли, что нас, европейцев, японцы считают варварами, она, чуть подумав, сказала:

— Да. Только мы это слово понимаем не так, как вы. Мы это понимаем как «неуклюжий»: вы все размахиваете руками, выставляете ноги, громко говорите, ведёте

себя как слон в посудной лавке. Вы лишены тонкости.

Повторяю, на вопрос «европеец ли вы?», заданный англичанину, вы не получите односложного, определённого ответа. Скорее всего, вы услышите нечто вроде «это счастье нас миновало» или «увы, не повезло», наконец, нечто неопределённо-задумчивое, например «ума не приложу, как ответить вам», и вы так и не поймёте, что же на самом деле вам ответили. А на самом деле важно не то, что ответили «да» или «нет», важно то, что англичанин про себя подумал нечто вроде «как вы смеете вторгаться в мой privacy?». Пишу это слово по-английски, потому что в русском языке ни слова такого, ни понятия такого нет (как, впрочем, и во многих других языках). В оксфордском англо-русском словаре это слово переводится так: «уединение». Это, мягко говоря, неправильно.

Приваси (ударение на первом слоге) — так англичане произносят это слово — это сугубо личное пространство, куда всем вход воспрещён. Семилетний ребёнок может закрыть дверь своей комнаты со словами “I want my privacy” («я хочу свой приваси»), а это значит, что никому нет туда входа, что это для всех запретная территория, что невозможно даже подумать о том, чтобы нарушить её границы.

Ну ладно, пусть у англичан есть понятие, которого нет у других. Это полбеда. Но у них есть манера употреблять слова таким

образом, что мы с вами понимаем их совсем не так, как они.

Вот вы рассказываете англичанину какую-то историю, и он по ходу вашего рассказа говорит: «Как интересно!»

Окрылённый его похвалой, вы продолжаете свой рассказ, и вам невдомёк, что на самом деле он сказал: «То, что вы рассказываете, скучно до посинения».

Или вы высказываете англичанину свои соображения по какому-то вопросу, на что он говорит: «Я услышал вас».

Вы расстаётесь с приятным чувством, что ваша точка зрения оценена. Но на самом деле он сказал: «Большой глупости я никогда не слыхал».

Или вы пообщались с англичанином, и в конце беседы он говорит вам: «Давайте как-нибудь пообедаем».

Вы обрадованно отвечаете: «Да, конечно, обязательно». А ведь на самом деле вам было сказано, что ни при каких обстоятельствах он не то что не пообедает с вами, но сделает всё, что в его силах, чтобы никогда больше не встречаться с вами.

Это не просто язык, это код. Вам кажется, что вы понимаете, что говорят, а на самом деле вы понимаете ровно столько, сколько понимали бы, если бы слушали японскую речь. С той, правда, разницей, что в этом случае вы понимали бы, что не понимаете, а здесь ровно наоборот...

Вот сидят два джентльмена

в курительной комнате сигарного магазина, что расположен поблизости от Пикадилли на Сент-Джеймс-стрит (отличное место; если вы любитель сигар и будете в Лондоне, очень советую). Вы сидите недалеко от двух джентльменов и слышите вот такой разговор:

– Ваш сын уже пошёл в школу?

– Да, конечно.

– Прекрасно. А вы в каком году закончили её?

– В 1982-м.

Всё понятно, да? Как бы не так. На самом деле слово «школа» в этом разговоре следовало бы написать с заглавной Ш, потому что эти джентльмены подразумевают определённую школу, а именно Итон. Только это гнездо английской элиты, с точки зрения её выпускников, достойно названия «школа».

Итонский колледж был создан в 1440 году Генрихом VI, учатся там подростки в возрасте от 13 до 18 лет. Король создал эту школу для детей неимущих, поэтому она, наряду с тремя другими подобными учебными заведениями Великобритании, называется public school, «публичной школой», школой, в которой учатся бесплатно. Бедный Генрих! Что бы он сказал, узнай он, что платными сегодня являются именно публичные школы (в 2019 году обучение в Итоне стоило сорок две тысячи пятьсот один фунт стерлингов в год – почти в два раза больше годового медианного¹

¹ Медианный доход – цифра, по обе стороны от которой находится одинаковое число людей.

дохода англичанина). Получается так, что слово, внешне не изменившись, не только изменило своё значение, но стало означать ровно противоположное тому, что было вначале...

Кстати, то, как говорят выпускники публичных школ, как в смысле произношения, так и в смысле подбора слов, отличается от того, как говорят все остальные англичане. Вообще, как только один англичанин откроет рот, другой сразу определит не только из какого города или части Англии тот родом, но и к какому классу он принадлежит. Важно не только то, КАК он говорит, но и ЧТО он говорит. Например, если он, случайно задев кого-то, скажет "excuse me" («извините»), то он тем самым даёт понять, что он из «простых», а вот если скажет "sorry" («сожалею»), то это наверняка говорит о том, что он закончил «публичную» школу и принадлежит к верхушке общества.

Поди их пойми, англичан.

Nota bene

Эта «тетрадь» построена не так, как предыдущие. Есть общее — мысли, связанные с людьми, оставившими долгий след в моей памяти. А есть другое — темы, к которым подверстаны высказывания и мысли, которые, как мне кажется, важны для понимания того, кто есть англичане. Не британцы — шотландцы, валлийцы, ирландцы, — а исключительно англичане, ведь о них был снят фильм. Именно их, англичан, я стремился понять.

Когда я признался в этом Джереми Паксману, выдающемуся английскому журналисту, он сказал:

— Когда поймёте, прошу вас, поделитесь, уж очень хочется узнать.

И чуть иронично улыбнулся.

Блэк кэб

Если бы спросили меня: «Что возникает перед твоим мысленным взором при слове “Париж”?», я ответил бы: «Эйфелева башня и собор Парижской Богоматери». А при слове «Москва»? Ответил бы: «Кремль и храм Василия Блаженного». А при слове «Нью-Йорк»? Ответил бы: «Эмпайр-стейт-билдинг». А при слове «Лондон»? Ответил бы: «Часы Биг-Бен, Вестминстерское аббатство, двухэтажные красные автобусы и, конечно, такси блэк кэб».

Был бы я поэтом, написал бы элегию блэк кэбу. Но, к счастью (прежде всего для вас, читатель), я пишу презренной прозой. Так что элегии не будет, а будет признание в любви. Но сначала немного истории.

1654 год. В Англии Парламент принимает закон с таким витиеватым названием: «Указание для управления кучерами-хакни в Лондоне¹ и прилегающих местах». Проходит восемь лет, и в 1662 году первой карете-хакни даётся лицензия на то, чтобы служить «нанимаемым средством извоза». Это первое такси в мире — правда, само название «такси» возникло гораздо позже, но не будем спешить (у англичан

¹ От французского haquenée, небольшая лошадь, рекомендованная наездникам.

спешка — признак дурного тона и плохого воспитания).

К 1700 году более тысячи карет-хакни громыхали по центру и окраинам Лондона, распугивая кур и людей, а кучера их смущали прохожих неслыханным сквернословием, настолько неслыханным, что королева Анна издала приказ штрафовать этих самых кучеров за каждое нецензурное слово на сумму в пять шиллингов, что сегодня составило бы 23,5 фунта.

В 1834 году карете-хакни пришёл конец: лицензии были переданы более современным и удобным хэнсомовским кэбам¹. Вместо четырёх колёс — два, вместо двух лошадей — одна, бóльшая маневренность, бóльшая скорость, бóльшая безопасность, меньше шума и, главное, гораздо более дешёвое средство передвижения.

Появление двигателя внутреннего сгорания, автомобиля — оставим эти детали и перейдём к главному событию: в 1948 году рождается первый блэк кэб² — Austin FX3, а спустя десять лет — FX4, самое знаменитое такси в мире. Чем он так уж хорош, спросите вы?

¹ Названо так из-за имени его изобретателя Джозефа Хэнсома.

² Такси стало называться чёрным, потому что производителю было дешевле красить все машины одним цветом — чёрным. Теперь это не так, блэк кэбы бывают всех цветов радуги, но названия своего не изменили.

Во-первых, удобством. Если вы, например, носите котелок, самый английский из всех головных уборов, то вы сможете сесть в эту машину, не снимая его, не сгибаясь в три погибели (котелок был придуман для наездников: шляпа сидит на голове плотно, её не могут сбить ветки деревьев, под которыми проскакал наездник — егерь или охотник; блэк кэб верен этой традиции). Вы можете сидеть в этой машине, не опасаясь того, что вы своим котелком упрётесь в потолок, то есть при желании можете его не снимать. Вы можете сидеть, вытянув во всю длину ноги, какого бы вы ни были роста, а не сидеть скрючившись, как это часто бывает в других такси. Два аккумулятора блэк кэба обеспечат вам яркий свет, так что читайте при любой погоде.

Во-вторых, маневренностью. Если вдруг вам понадобится поехать назад, потому что вы забыли дома упомянутый выше котелок, то блэк кэб развернётся на пяточке (точнее, на круге диаметром 7,62 метра) без всякого ёрзания взад-вперёд. Для блэк кэба нет непреодолимых преград.

Но самое главное в блэк кэбе — это его «кучер».

Для того чтобы стать водителем лондонского блэк кэба, надо сдать экзамен, известный под названием «Знание», “The Knowledge”. Слышу, как дотошный читатель, знаток английского языка, говорит мне: «Что же это вы, Владимир Владимирович, ставите определённый артикль “the” перед

существительным “knowledge”? Это ошибка, артикль здесь не нужен». Поскольку не все читатели разбираются в тонкостях языка Шекспира, вынужден сделать отступление.

В отличие от русского языка, в котором нет артикля, в английском их целых два (слава богу, не три, как в немецком!): определённый “the” и неопределённый “a”. Какой следует использовать в том или ином случае, объяснить трудно, но я попробую. Возьмём предложение «Я увидел кошку». По-русски всё понятно, человек говорит, что он увидел кошку. Но по-английски это совсем не так. Можно сказать “I saw a cat”, а можно “I saw the cat”, и это будут разные кошки. Скажем, человек говорит: «Сегодня утром я увидел чёрную кошку»; по-английски это будет “This morning I saw a black cat”. Речь идёт не об определённой чёрной кошке, а о кошке вообще, в данном случае чёрного цвета. Вы отвечаете ему: «Вон та чёрная кошка, которую ты увидел», по-английски “There is the black cat that you saw”, а это уже совершенно конкретная, определённая кошка, та самая, которую он увидел утром.

Теперь возьмём существительное “Knowledge” («Знание»). Само по себе оно нейтрально, в артикле не нуждается, хотя в сочетании с другими словами требует артикля. «A knowledge of English is good to have» можно перевести как «Хорошо иметь некоторое (то есть неопределённое) знание английского». Но можно сказать

“The knowledge of English is good to have” –
«Хорошо иметь знание (конкретное)
английского».

Если я запутал вас, то sorry.

Вернёмся к нашим баранам. Если
существительное “Knowledge” не
нуждается в артикле, почему экзамен,
который должен сдать водитель блэк
кэба, называется «The Knowledge»?
А потому, что речь идёт не о знаниях
вообще, а о совершенно определённом,
единственном в своём роде знании,
которое относится исключительно
к компетенции водителя блэк кэба.

Для того чтобы получить зелёный бэдж,
дающий право водить блэк кэб по всему
Лондону, водитель должен знать:

– место нахождения не менее 25 000
улиц;

– самое короткое расстояние между
любыми двумя пунктами Лондона;

– сколько времени потребуется
в разное время суток, с учётом часа пик
и тому подобного, чтобы добраться из
пункта А в пункт Б;

– не менее 20 000 так называемых
“points of interest”, то есть представляющих
интерес зданий, памятников, парков, видов
и так далее.

Экзаменатор может задать столько
вопросов, сколько он считает нужным,
и достаточно одного неправильного или
неточного ответа, чтобы провалиться.

Пересдавать экзамен после провала

можно только через три месяца, и за каждую пересдачу надо платить.

Об экзаменаторах рассказывают чудовищные истории. Например, один брал два дротика и метал их в громадную настенную карту Большого Лондона, после чего предлагал абитуриенту определить самый короткий и скорый путь между этими двумя «пунктами». Если сдающий протестовал, экзаменатор (чаще всего бывший полицейский) предлагал ему самому бросить дротики.

В среднем будущему водителю блэк кэба требуется три-четыре года (!) для успешной сдачи экзамена и получения заветного зелёного беджа.

Среди таксистов водитель блэк кэба — аристократ, в связи с чем я вспомнил вот какую историю.

Нью-Йорк, в офис к представителю крупной корпорации входит секретарь и говорит:

— Сэр, в приёмной вас ожидают шесть журналистов и господин из «Нью-Йорк Таймс».

Применительно к Лондону можно бы сказать:

— Сэр, вас на улице дожидаются шесть таксистов и джентльмен с блэк кэбом.
